

нія о періодѣ времени 1827—1834 г. уже были напечатаны въ Курскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ послѣднихъ лѣтъ ихъ изданія.

Можно добавить слѣдующее: учился родитель мой необыкновенно прилежно и придумалъ особый способъ усвоенія уроковъ. Онъ всегда готовилъ ихъ «на лекцію», т. е. заданный урокъ онъ только повторялъ, такъ какъ выучилъ раньше; повторивъ же, выучивалъ на предбудущій урокъ новое, что еще не было задано наставникомъ, но слѣдовало въ свое время къ назначенію. Такъ какъ въ то время задавали по порядку исключительно по учебникамъ, то уча такимъ образомъ впередъ, можно было отвѣчать предъ учителемъ очень хорошо и получать соответственные отмѣтки. По всѣмъ предметамъ онъ шелъ ровно и при переходѣ изъ класса въ классъ неукоснительно удостоивался награды похвальными книгами. Проживать покойному приходилось на разныхъ квартирахъ, но съ удовольствіемъ онъ вспоминалъ свое квартированіе въ домѣ причетника Михайловской церкви. Домъ этотъ находился на Дружининской улицѣ (Губернаторскій переулокъ) и былъ второй отъ угла Новопрображенской улицы, на правой сторонѣ. Теперь этого дома давно уже нѣтъ; но сохранился флигелекъ, находящійся на дворѣ, обветшавшій до послѣдней степени. Случайно вышло такъ, что въ послѣднюю свою предсмертную прогулку усопшему пришлось идти вмѣстѣ со мною и его внукомъ именно по Дружининской улицѣ. Поровнявшись съ мѣстомъ бывшей ученической квартиры, родитель мой остановился и долго — долго смотрѣлъ на флигелекъ, вспоминая о жизни своей здѣсь три четверти вѣка тому назадъ, и на глазахъ его я замѣтилъ слезы.

«Здѣсь, около забора, сказалъ онъ, груша была, отличные плоды давала; подъ нею я уроки училъ, къ экзаменамъ готовился.»

Мы пошли дальше; затѣмъ по трамваю выѣхали за городъ для прогулки. Я видѣлъ, что старецъ очень скоро ослабѣлъ; но душа его рвалась впередъ, на лоно природы. Еще нѣсколько шаговъ, и онъ зашатался, лицо покрыла смертельная блѣдность; пришлось поскорѣе увезти его домой... И болѣе онъ самъ уже и не предлагалъ идти на прогулку, а тамъ подоспѣли болѣзни и смерть. Но замѣчательно, что въ послѣднюю прогулку свою о. Протоіерей взглянулъ на то мѣсто, гдѣ жилъ во дни ранней юности.

Быть можетъ, онъ-бы и во весь училищный курсъ оставался на упомянутой квартирѣ; но въ холеру 1831 года хозяинъ — причетникъ умеръ. — А то и такая была квартира: въ комнатѣ — масса народу: ученики, извозники, мастеровые — гулъ, крикъ, шумъ, безпорядокъ. Учиться приходилось, заткнувъ уши, голодать и холодать. У меня всегда сжималось сердце, когда родитель описывалъ эту квартиру у какой-то мѣщанки. Спали квартиранты на полу, «по каткамъ», какъ выражались тогда, у покойнаго былъ только войлокъ и подушка. Нечего говорить, что и для нравственныхъ свойствъ души при подобныхъ условіяхъ жизни едва-ли было что-либо благопріятное. Но замѣчательно, по своей натурѣ, а также по личной работѣ надъ собой покойный, еще будучи мальчикомъ, приобрѣлъ рѣшительное отвращеніе отъ всего дурного, грубаго, нечестнаго и недостаточно деликатнаго. Поэтому онъ никогда не участвовалъ въ школьныхъ шалостяхъ и выходкахъ, которыхъ въ то время было слишкомъ много, и явленія противонравственнаго порядка всегда вызывали со стороны усопшаго тяжелое и горькое чувство.

Вотъ одинъ изъ его разсказовъ. Какой-то изъ инспекторовъ училища (они смѣнялись довольно часто) пошелъ по квартирамъ учениковъ того участка, гдѣ старшимъ ученикомъ былъ покойный. А участокъ этотъ находился около Николаевской и Флоровской церквей, по скату горы внизъ, вплоть до рѣчки Кура. Пришелъ въ одинъ домъ. Хозяйка сочла долгомъ дорогому гостю поднести «стакашекъ». Тотъ выпилъ и поблагодарилъ. Въ другой квартирѣ, третьей, четвертой... та-же исторія. Инспекторъ захмелѣлъ и, сидя у одной изъ хозяекъ за столомъ, ораторствовалъ съ оживленіемъ. Покойный, какъ полагалось старшему ученику, стоялъ у дверей и испытывалъ тяжелое душевное настроеніе... Слезы подступали къ глазамъ. Такъ жаль было ему человѣка образованнаго, потерявшаго хотя и на время нормальный образъ свой.

Нечего и говорить, что самъ покойный всегда былъ врагомъ крѣпкихъ напитковъ.

О куреніи, конечно, никогда и рѣчи быть не могло. Голова покойнаго не выносила табачнаго дыма и онъ всячески избѣгалъ присутствія тамъ, гдѣ курили. Замѣчу кстати, что чувствуя болѣею частью нѣкоторую тяжесть въ головѣ, покойный не могъ, безъ